Д-р А. М. Евлахов.

ЭПИЛЕПТОИДНАЯ КОНСТИТУЦИЯ
И
АНАЛЬНАЯ ЭРОТИКА

В Гос. Библиотеку СССР
им. В. И. Ленина
от автора.

Лен-ад 15/I 1964.
А. Евлахов.

Отдельный оттиск из „Журнала теоретической и практической медицины“, том IV кн. 1.

БАКУ — 1930.

Главлит 6225

Напечатано в гостипографии „Красный Восток“
БАКПОЛИГРАФА БСНХ
Баку, Карантинная, 84.

Заказ 1600

Тираж 50 экз.

Из 1-ой Психиатрической больницы г. Баку.—
Директор д-р А. М. Евлахов.

Эпилептоидная конституция и анальная эротика.

Д-р А. М. Евлахов.

I.

С каждым днем становится все очевиднее, что, наряду с шизоидной и циклоидной, существует совершенно особая *эпилептоидная конституция,* связанная с атлетическим строением тела.

Со времени появления, сделавшейся классической, конституциональной схемы характерологических типов, со свойственным им habitus'ом, казалось как-то странным, что в построении последнего с соответствующей конституцией (если можно так выразиться!) приняли участие, каждый порознь, только лишь два зародышевых листка—эктодерма (лептозомы) и энтодерма (пикники), меж тем как третий, мезодермальный, остался как бы не у дел.

Было что-то искусственное, морфологически подозрительное и клинически неоправдываемое в этом отнесении атлетов к группе шизоидов, и чувствовался какой-то пробел в этой конституциональной схеме,—подобный тому, какой был некогда заполнен гениальной интуицией Менделеева в третьей группе его системы элементов.

Теперь, усилиями ряда психиатров, и этот пробел в науке можно считать заполненым, и эпилептоидный тип занял свое место в схеме конституций, как type musculaire, с характеризующей его гипертрофией *мезодермы* за счет остальных зародышевых листков и соответственной *психомоторной* реактивностью, которую Wallon справедливо определяет, как психику *проективную* (mentalité projective) или myopsyche.

Совсем иначе обстоит дело с вопросом о том, какому сексуальному типу соответствует такая конституция; он, можно сказать, еще и не ставился, если не считать той установленной истины, общей для всех душевно-больных, что эпилептикам свойственна известная сексуальная инфантильность.

Даже психоаналитическая школа, установившая характерологические черты психики, свойственной так-наз. прегенитальной садистически-анальной эротике, не обратила внимание на, оче-

видно, не случайное совпадение сочетания той и другой, с удивительным постоянством встречающегося у эпилептиков, что дало мне право, в моей работе «Эпилептическая психика и ее сексуальные предпосылки» («Журнал Теоретич. и Практич. Медицины» 1926 г., т. II, № 1—3), высказать предположение, что так-наз. эпилептическая психика есть, в сущности, ничто иное, как сублимированный продукт анальной эротики.

В самом деле, как я указал, она вполне укладывается в характерологическую триаду Фрейда—«аккуратность, бережливость и упрямство», с теми дополнениями и комментариями, какие были сделаны впоследствии, главным образом, Jones'ом.

По мнению Фрейда, эти свойства характера, столь часто встречающиеся у лиц с анальной эротикой в детстве, представляют собой непосредственные и постоянные продукты сублимирования этой прегенитальной анальной эротики.

Развивая положение Фрейда, что дефинитивные особенности характера представляют собой не только неизменно продолжающие свое существование первичные влечения, но и новообразованные реакции на эти влечения,—Jones указывает, что любовь к порядку может переходить у таких людей в упрямую педантичность к исполнению долга, что их чрезмерная медлительность и чувствительность к вмешательству других делает сношения с ними очень затруднительными: «Их так же трудно склонить к какому-нибудь действию, как и отклонить от него. Они всегда озабочены и духовно тяжелы на под'ем. Удается им овладеть какой-нибудь темой, они бесконечно расплываются в ней, не позволяя прервать их или вставить какое-нибудь слово; каждая попытка в этом смысле ими или игнорируется или отклоняется с раздражением».

Им, по преимуществу, присущи: специфическое чувство какой-то обязанности или долженствования,—следовательно, морального свойства, принуждающее их осуществлять известные действия только определенным, «правильным» образом, превозмогающее все, недоступное рассудку, и препятствующее непредвзятому и об'ективному отношению; способность к концентрации с стремлением к основательности и совершенству; отвращение ко всему, сделанному наполовину; стремление к самообладанию, могущее повести к настоящей страсти и упражнению в аскезе, чтобы доказать себе силу своего самообладания; скупость, узкая натура и мелочность, подчеркнутая чувствительность ко всякого

рода несправедливости; хроническая раздражительность, склонность к гневу, негодованию и мстительность, наряду с трусливостью; ипохондрия и неспособность наслаждаться чем-нибудь приятным; чувствительность ко всяким мешающим и дисгармоническим элементам положения, вследствие которой их душевное равновесие неустойчиво, и настроение, вообще, у них редкое и мимолетное, легко портится, так что подобные люди делают жизнь тяжелой не только окружающим, но и самим себе: «они в постоянном беспокойстве и возбуждении и слишком серьезно относятся ко всему».

Имея в виду в особенности упрямство и связанные с ним явления—упорство в преследовании самим выбранной цели, не обращая внимания на посторонние влияния, резкое отклонение вмешательства других, убеждение в лучшем выполнении определенной работы, чем кем бы то ни было, и т. п.,—по мнению Jones'a, «нетрудно найти сходство различных описанных черт характера с нарцистическим эгоизмом и манией величия, что указывает нам на привнесение, которое делает анальная эротика для образования инфантильного нарцизма».

Но, наряду с этим эгоизмом, характерным для прегенитальной садистически-анально-эротической ступени развития, как реактивное образование против подавленного садизма, ее характеризует и чрезмерная, в высшей степени редкая нежность, причем, если нисшая прегенитальная организация такой любви проявляется в том, что она больше всего встречается у относительно импотентных, сексуально бесчувственных людей, для которых все сексуальное уже заранее нечисто, то ее субстрат, бережливость и скупость, как сублимация примитивного эротического интереса к дефекации, имеют в то же время какое-то отношение к геморрою и запорам.

Ссылаясь на приводимую Berkley Hill'ем пословицу у тамилов—«кто раздражителен, тот страдает геморроем», и развивая мысль Фрейда о символической связи золота, денег и бумаги с экскрементами, Jones приводит интересную справку, что у немцев геморрой в народе называется «золотой кровеносной жилой», а на биржевом языке о том, кто находится в денежном затруднении, говорят, что у него «запор».

Не трудно заметить, что эта психика, свойственная анальной эротике психоаналитической школы, удивительным образом воспроизводит типичную картину эпилептической психики классических учебников психиатрии. Недаром же свою характери-

стику этой психики, соответствующей прегенитальной садистически - анально - эротической ступени развития, Jones иллюстрирует примером... Наполеона, который, как известно еще со времен Ломброзо, был эпилептиком.

II.

Клинические наблюдения не раз после того заставляли меня убеждаться в правильности моего первоначального предположения о том, что эпилептическая психика есть, в сущности, ничто иное. как сублимация анальной эротики, и, в частности, в настоящее время я почти не сомневаюсь в гомосексуальной установке эпилептоидов вообще.

В упомянутой выше моей работе я привожу интересный случай, иллюстрирующий мое положение,—эпилептика, с одной стороны, страдающего с детства запорами, а в настоящее время и геморроем, а с другой—с чрезмерной фиксацией на родителях и резко выраженной фригидностью: женившись, он, из моральных соображений, не тронул жену, об'ясняя это, между прочим, своим природным отвращением к половому акту вообще, и даже предложил ей сожительствовать со своим двоюродным братом, которому как бы подарил ее и от которого она родила.

В другой моей работе, ныне печатаемой,—«Не был ли Леонардо да Винчи эпилептоидом?»—констатируя удивительное нагромождение эпилептоидных черт в его психике, творчестве и поведении, я опять-таки указываю на установленную биографами фригидность и гомосексуальность этого великого художника и ученого.

В «Материалах по сексуальной психопатологии» Бруханского приводится три случая преступлений эпилептоидов, и интересно, что все они связаны также с фригидностью в отношении другого пола,—два в соединении с гомосексуальностью и один с зооерастией (стр. 53, 100, 103).

Можно было бы, конечно, привести еще не один случай подобного совпадения, которых достаточно, вероятно, в клинической практике каждого психиатра и которые, думаю, дадут в ближайшем будущем богатый материал для подтверждения моей мысли.

Я ограничусь на этот раз одним таким случаем, по моему, особенно, в этом отношении, характерным потому, что тут мы имеем дело, повидимому, лишь с epilepsia larvata, а между тем анальная эротика и здесь налицо.

Больной М. А. Л—ов, 50 лет, армянин, женатый, рабочий, по образованию семинарист; отец много пил. В первый раз поступил в 1-ую Психиатрическую больницу г. Баку 9 июля 1923 г.—после немотивированного покушения на убийство своей жены: по словам самого больного, будучи в сильном волнении от слухов о предстоящем закрытии церквей (sic!), он как-то резал хлеб, жена же почему-то его толкнула сзади—и он, помимо своей воли, не понимая, что делает, полоснул ее ножом, а потом выбросил ребенка за ногу с балкона.

Доставленный в больницу, был в очень возбужденном состоянии, громко кричал, на вопросы отвечал бессвязно, беспрерывно ходил взад и вперед по палате, уверял, что уже 10 дней там, в углу, лежат четыре трупа убитых им людей, покрытые червями, разлагаются и воняют, и требовал их убрать. Сознание было спутанное, память ослаблена. Возбуждение сменилось потом депрессией; стал угрюм и необщителен. В улучшенном состоянии 22 августа выписался.

В средине сентября того же года ехал как-то по железной дороге и вдруг, без всякого повода, около ст. Кишлы, стал тормозить поезд, за что был задержан милицией и 23 сентября, по определению суда, снова доставлен в больницу. Сам больной об'ясняет происшедшее интригами жены, ставшей любовницей начальника районной милиции, который завладел его квартирой, женой и детьми и угрожал ему револьвером,—уверяя, будто поезд остановился сам, и он слез на станции, чтоб навестить своих двоюродных братьев.

В больнице был то в возбужденном состоянии,—без всяких мотивов набрасывался на больных и избивал их, потом отрицая факт, рвал на себе одежду, ломал двери и окна, не узнавал окружающих, смеялся, пел, ругался, размахивал руками, разговаривал сам с собой, и кричал, об'ясняя потом, что «спорил с Христом», заявлял, что и «Христос сдох» и потому его необходимо выпустить, или ложился на пол, сбрасывал с себя белье и, подняв руки и ноги кверху, вертелся на спине, был неопрятен, плевал и сморкался в кружку для чая, делал попытки к бегству; то, после этого, снова впадал в угнетенное состояние—был мрачен, угрюм, необщителен, молчалив, не отвечал на вопросы даже своим близким, отказывался от еды и питья, часами простаивал на полу или кровати на коленях, опустив руки по швам, подняв голову вверх, и уставившись в одну точку, или

лежал в подавленном состоянии, жалуясь на общую слабость и разбитость, а приходя в себя, не помнил того, что было.

Такие припадки спутанности, с возбуждением, бессвязным разговором с собой, пением, криком, руганью, смехом, хождением взад и вперед, размахиванием руками и бессонницей, с последующей депрессией, ослаблением памяти и кататоническими состояниями, повторялись почти регулярно каждый месяц.

Больной атлето-диспластик. Правая часть головы скошена кзади. Череп и рот ассиметричны. Зрачки N. Красный дермографизм. Кожная чувствительность и рефлексы сохранены. Сухожильные рефлексы N.

Общителен, хорошо ориентируется в месте и времени, отвечая на вопросы, более или менее, осмысленно. Обнаруживает прекрасную память на всякие мелочи, воспроизводя все даты прошлого, и детализированное мышление, обо всем рассказывая «от Адама» и не умея отличить существенное от второстепенного. Считает себя прекрасным во всех отношениях человеком, как и своих родителей. Любит порядок. Сентенциозен: морализирует по всякому поводу. Имеет пиэтет к начальству. Много говорит о религии, заявляя, что прежде сам был религиозен, ходил часто в церковь и много молился утром и вечером, но с 15 июля 1923 года (?) «воздух переменился, и все под влиянием воздуха превратились в коммунистов», и он так же. Считает душевную болезнь—религиозной. Пишет заведующему больницей врачу письма, именуя его «папашей», в которых заявляет: «I коммун был Иисус», II—Магомет, а III—Л-ов» или: «I коммун был пророк Магомет, а II коммун—я, Л-ов, что означает высшая дистанция духовенства». Просит его не обижаться, что он иногда «горячо по воздуху говорит», об'ясняя это так: «С 23 г. между мною и Иисусом Христом создавалась война; если он будет победит, я должен умереть, если ты выпустишь меня, тогда я буду победителем».

По собственному признанию, женщинами и до женитьбы особенно не интересовался, а после—«не хотел быть изменником своей жены». В поведении обнаруживает гомосексуальные наклонности: пристает к другим больным, взрослым и мальчикам, обнимает и целует их; иногда ведет себя, в этом отношении, столь агрессивно, что приходится изолировать. В то же время, непонятно зачем, приносит из уборной свой кал, зажимая его под мышкой или налепляя на лоб.

В виду того, что диагноз эпилепсии, несмотря на наличие столь значительных кататонических явлений, сомнений не возбуждает, обратим внимание, главным образом, на следующие данные психического status'a.

Больной, по его собственным словам, никогда не проявлял особого интереса к женщинам, после же женитьбы потому, что «не хотел быть изменником своей жены». Морализирование — очень характерное для эпилептика, но *в данном случае* едва ли оправдываемое обстоятельствами дела. Суть, повидимому, не в том, а в его *гомосексуальной* установке, обнаруживаемой и поведением больного. В то же время весьма странным кажется поведение больного и в отношении своего кала, который он для чего-то сберегает, то зажимая его под мышкой, то налепляя на лоб.

Мы уже знаем, что субстрат анальной эротики, бережливость и скупость, по Jones'y, есть сублимация примитивного эротического интереса к дефекации. Отсюда ясно, что сексуальная инфантильность эпилептоида, его фригидность к женщинам, повидимому, тесно связана как с Venere perversa, так и с эротическим интересом к anus'y во всех его проявлениях, вообще, являясь как бы другой стороной этой его направленности... в другую сторону.